

Юрий Самодуров Памяти Дмитрия Фурмана

22 июля в 17.45 у себя дома после долгой и тяжелой болезни скончался Дмитрий Ефимович Фурман (1943-2011).

Прощание с Дмитрием Ефимовичем Фурманом состоится 26 июля, во вторник, в 11 часов в морге ЦКБ РАН по адресу Литовский бульвар, д.1-а. Кремация пройдет в крематории на Хованском кладбище.

Призвание и страстное желание Дмитрия Фурмана мыслить дало ему возможность необыкновенно мужественно жить, тяжело болея последние два года (он заболел тем же заболеванием, что у Стивена Хокинга). В ситуации, когда любой из нас расклеился бы, потеряв возможность двигаться, когда постепенно Димины возможности свелись к тому, что он мог шевелить только одним пальцем на правой руке, он этим одним пальцем печатал статьи и жил "как обычно". Дима не давал себе ни дня поблажки и все годы болезни, признаки которой обнаружили осенью 2008 года, выполнял, как он с гордостью сказал, свою "обычную норму" - писал и публиковал 10-12 статей в год. В этом году он сделал то же самое. Среди опубликованных им в 2011 году статей была, по-моему, наиболее выдающаяся политическая статья 2011 года, а может быть, и нескольких последних лет, которая ставит ясный и нетривиальный диагноз тому, во что переродилось демократическое движение за годы со дня смерти Сахарова. Эта его статья, посвященная 90-летию Андрея Дмитриевича Сахарова, - самое главное, что было написано за многие многие годы о судьбе идей Сахарова, и ее обязан прочесть всякий мыслящий человек, потому что ее жесткий вывод "Сахаров умер вовремя" - точен и правдив (статья [опубликована](#) в журнале "Профиль" 16 мая с.г.).

Будучи почти абсолютно обездвижен и рассчитывая дожить, как он говорил, в лучшем случае до конца года, Дима Фурман последние месяцы успешно учил турецкий, а решив, что хочет получше познакомиться с политической системой Латинской Америки, прочел по этой теме несколько книг на испанском, в виде же отдыха совсем недавно кончил читать толстенную новую биографию Гитлера на английском, после чего попросил купить ему, чтобы послушать и лучше понять психологию Гитлера, его любимые музыкальные произведения.

При этом Дима понимал, что срок его жизни подходит к концу и что, возможно, он дождется, а может быть, и нет осени 2011 года, когда к международной книжной ярмарке в Москве должны выйти из печати книги, подводящие итоги пройденного им пути. Первая книга - сборник газетных статей Д.Е. Фурмана о политике (под редакцией его друга Павла Палашенко), вторая - сборник его статей о религии (под редакцией Георгия Дерлугьяна). Издание третьей книги - сборника своих главных статей о политическом развитии стран СНГ - он буквально за день-два до смерти поручил своей дочери Екатерине Фурман.

В общем, Дима прекратил работать только в последние два дня жизни, сказав вчера: "Я поставил точку в работе". Но точка в работе - еще не точка в жизни, и вчера же он попросил принести почитать ему какой-нибудь хороший роман. Когда его гость сказал, что романа у него нет, но зато есть замечательная биография Ю.Ф. Самарина, написанная в 1919 г. бароном Нольде, и замечательная биография Ариэля Шарона, написанная Петром Люкимсоном, Дима попросил принести ему эти книги в субботу.

Но субботы не было, потому что в пятницу его не стало. Умер Дима очень спокойно, во сне, через несколько минут после того, как попросил жену и сиделку повернуть его на бок, и сказав, что хочет отдохнуть.

В заключение еще и еще раз хочется написать о поразительном мужестве Димы и его семьи. Когда я навещал его и его дом, я, конечно, видел, что Дима тяжело болен и что постепенно он теряет возможность двигаться, но и он сам, и его жена Элеонора Пастон, с которой они прожили 37 лет, всегда были заняты работой: было видно, что, принимая гостей, они просто ненадолго отвлекаются от работы, и Димины болезни при этом "как бы" совершенно не мешала ни ему, ни Эле жить так же интенсивно, как всегда. Как Дима в своей области, так и Эла в своей (она известный искусствовед) за последние годы "выполнили свою норму".

Сегодня в России из жизни ушел замечательный мыслитель и человек выдающегося мужества, которому он сам не придавал почти никакого значения. Он просто не умел жить по-другому. Вчера он сказал мне: "Я поставил точку в работе", а сегодня вдруг перестал дышать.